

Шишигин Андрей Владиславович

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В XXI ВЕКЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются территориальные (локальные и региональные) идентичности и процессы, способствовавшие их упадку. Среди важнейших причин, вызвавших упадок территориальных идентичностей, называются политика по формированию национальной идентичности, стремительная урбанизация и индустриализация. Дается оценка перспектив развития территориальных идентичностей с учетом социально-экономических и социально-политических преобразований в российском обществе. Делается вывод о возможном возрождении локальных идентичностей в современной России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 210-213. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

12. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. М.: Статут, 1994. 335 с.
13. Шигабутдинов Р. Р. Общественная деятельность Г. Шершеневича в Казани // *Polonia* в Казани и в Волго-Уралье в XIX-XX вв.: сб. научных статей и сообщений / сост. и отв. ред. П. Глушковски, Г. П. Мягков, Р. А. Циунчук. Казань: Казанский ун-т, 2011. С. 57-62.
14. Шигабутдинов Р. Р. «Перводумец» в Казанской городской думе: первый опыт политической и законодательной деятельности профессора Г. Ф. Шершеневича // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. Красноярск, 2011. Вып. 4. С. 179-182.
15. Шигабутдинов Р. Р. «72 дня первого Русского парламента» в политической практике профессора Казанского университета Г. Ф. Шершеневича // Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906-1917 гг.): международная научная конференция (г. С.-Петербург, 4 декабря 2009 г.): сборник научных статей / под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2010. С. 255-266.
16. Шигабутдинов Р. Р. «Сын... славянского племени» Г. Ф. Шершеневич – кандидат в I Государственную Думу «от русско-татарского города» // Поляки в России: эпохи и судьбы / отв. ред. А. И. Селицкий. Краснодар: Кубан. гос. ун-т; Парабеллум, 2009. С. 80-86.

LIBERAL CONCEPTION OF RUSSIA STATE STRUCTURE REFORMATION IN PROFESSOR G. F. SHERSHENEVICH'S POLITICAL-LEGAL HERITAGE

Rafael' Rustamovich Shigabutdinov, Ph. D. in History
Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology
Kazan' State Medical University
raf-l@yandex.ru

The author reveals the political-legal views of Kazan' University Professor Gabriel' Feliksovich Shershenovich on the state structure reformation of pre-revolutionary Russia, and tells that the prominent liberal lawyer and prominent politician G. F. Shershenovich developed and elaborated the liberal conception of reforming the state structure of Russia and contributed to the formulation of the most important components of law-governed state liberal model in Russia in the discourse of the civil society and law-governed state at the turn of the XIXth-XXth centuries.

Key words and phrases: G. F. Shershenovich; Kazan' University; law-governed state; form of government; human rights; liberalism.

УДК 316.4

Социологические науки

В статье рассматриваются территориальные (локальные и региональные) идентичности и процессы, способствовавшие их упадку. Среди важнейших причин, вызвавших упадок территориальных идентичностей, называются политика по формированию национальной идентичности, стремительная урбанизация и индустриализация. Дается оценка перспектив развития территориальных идентичностей с учетом социально-экономических и социально-политических преобразований в российском обществе. Делается вывод о возможном возрождении локальных идентичностей в современной России.

Ключевые слова и фразы: идентичность; территориальная идентичность; локальная идентичность; региональная идентичность; национальная идентичность; город; регион.

Андрей Владиславович Шишигин, к.с.н., доцент
Кафедра философии и общественных наук
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Shish02@yandex.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В XXI ВЕКЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ[©]

Статья написана в рамках проекта № 034-Ф.

В нашей стране локальные идентичности являются слабо изученным социальным феноменом. Полностью разделяя точку зрения, что на протяжении двух последних десятилетий региональным идентичностям в России уделялось слишком мало внимания [11, с. 59], считаю, что локальным идентичностям в этом отношении повезло еще меньше. Как региональные, так и локальные идентичности явно оказались в тени национальных/этнических и гражданских идентичностей. Но если к региональным идентичностям российские исследователи периодически все же обращались (чаще всего в контексте изучения политических процессов в регионах), то локальные идентичности оказались настолько забытыми отечественными гуманитариями, что место социологов,

этнографов и культурологов все чаще стали занимать географы [3-6]. Впрочем, активное участие последних в изучении территориальных идентичностей можно только приветствовать, поскольку междисциплинарный подход способен серьезно продвинуть вперед процесс изучения местных сообществ и локальных идентичностей россиян. Вместе с тем у такого невнимания отечественных социологов и этнографов к территориальным идентичностям (локальным и региональным) есть и свои объяснения. Во-первых, это – несколько пренебрежительное отношение к пространству, сложившееся в зарубежной и отечественной социологии, на которое вполне справедливо указывает Л. В. Смирнягин [12, с. 89; 13, с. 179]. Во-вторых, представление о территориальных идентичностях как о чем-то малозначимом, в сравнении с идентичностями этническими и национальными.

Вместе с тем локальные идентичности доминировали в сознании людей вплоть до XX века. По сути, они (наряду с конфессиональными) заменяли им национальные/этнические идентичности. Например, когда в 1919–1921 гг. жителей Полесья в Польше спрашивали об их национальности, большинство из них отвечало: «Тугошные мы». На вопрос переписчиков о родном языке отвечали: «Говорим попросту» [8, с. 48; 15, с. 131]. Так было не только в Восточной, но и в Западной Европе. Говоря о ментальных представлениях французских крестьян Старого порядка (XVI–XVIII вв.), Л. А. Пименова справедливо указывает на то, что «привязанность к родной деревне, области, провинции ощущалась ими сильнее, чем причастность к некоей большой общности, размеры которой простирались до границ королевства» [10, с. 136]. Точно такая же ситуация наблюдалась в Германии, где вплоть до XIX в. самосознание масс и элиты имело в основном местный характер [9, с. 397]. Да и могло ли быть иначе, если само слово «нация» в тот период обозначало место рождения человека [14, с. 27]? Устойчивость локальных и региональных идентичностей прочно базировалась на низкой социальной мобильности большинства населения и включенности представителей местных сообществ в коллективные практики, поддерживающие необходимый уровень групповой сплоченности.

С учетом этого исторического контекста, не удивительно, что в рамках примордиалистского подхода на территориальные идентичности смотрели порой как на пережиточные формы национального самосознания. В частности, известный советский этнограф П. И. Кушнер констатировал, что даже в послевоенный период у отдельных групп населения сохраняются родоплеменные и земляческие представления об этнической общности и что бытование таких «пережиточных форм» самосознания имеет гораздо большее распространение, чем принято думать [7, с. 149].

На фоне мощных процессов национализма и ускоренного конструирования национальной идентичности в XIX–XX вв. территориальные идентичности все чаще уходили на задний план. Невиданные ранее масштабы социальной мобильности (перемещение огромных масс людей из деревни в город в ходе процессов индустриализации и урбанизации, миграционные потоки и т.п.) и стремительное изменение облика городов негативно сказывалось на сохранении и поддержании локальной идентичности. «Горожанам в первом поколении» было трудно принять новую территориальную идентичность, но и держаться за старую уже не имело никакого смысла. Коренные же жители городов, все больше растворяясь в массе вновь прибывших, зачастую переставали узнавать свой «старый» город, утрачивали эмоционально-психологическую связь как с окружающим урбанистическим пространством, так и с привычным социальным окружением. Отталкиваясь от идей Ф. Тённиса, можно сказать, что в этот период шел активный процесс превращения общины (Gemeinschaft) в общество (Gesellschaft), который не мог не сказаться на территориальных идентичностях, ведя их упадку. Безусловно, что в нашей стране процессы коллективизации и индустриализации, наряду с политикой нациестроительства, нанесли серьезный удар по локальным и региональным идентичностям. Массовые репрессии, Великая Отечественная война и послевоенное восстановление также сыграли свою роль в этом процессе. В послевоенный период, особенно в 60–80-е гг. разрушение локальных идентичностей происходило в основном за счет процессов урбанизации, существенного роста городов и уменьшения числа сельского населения. Интересно, что в этот период вокруг каждого среднего и крупного советского города начинает образовываться кольцо из садоводческих товариществ, где горожане (часто все еще в первом поколении) вели сельский образ жизни. С некоторыми оговорками можно сказать, что с этой же проблемой сталкивались и жители поселков городского типа, когда формирование локальной идентичности затруднялось двусмысленностью типа поселения и образа жизни. Таким образом, попытки «сращивания города с деревней» также накладывали свой отпечаток на формирование территориальных идентичностей. По мнению некоторых западных исследователей, в любой коллективной идентичности можно выделить три взаимосвязанных процесса:

1) конструирование групповых границ, которые устанавливают различия между доминантной группой и группой, заявляющей о себе;

2) создание и использование новой группой собственных рамок объяснений, отрицающих доминантные представления;

3) использование символов и действий, отрицающих существующую систему неравенства [16, р. 334].

Очевидно, что такое «сращивание города с деревней» и культивирование сельского (хотя бы отчасти) образа жизни в городе должно было в некоторой степени затруднять процесс формирования городской идентичности.

Однако локальные идентичности, несмотря на сужение сферы своего проявления и уменьшение удельного веса в сознании людей, не исчезли полностью. Своеобразной формой проявления территориальной идентичности в городах позднесоветского периода стало соперничество уличных и районных группировок молодежи. Такое деление молодежи города на «свои» районы, равно как и драки «район на район», не были новым социальным явлением, но в 70–80-е гг. данные формы явно переживали свой расцвет. Например, такой не очень крупный город, как Березники (в конце 80-х численность населения составляла около 200 тыс. жителей),

был поделен на множество районов, находившихся друг с другом то во враждебных, то в союзнических отношениях. В наиболее крупных драках с каждой стороны принимало участие более сотни человек.

В последние два десятилетия добавились новые факторы, отрицательно сказывающиеся на поддержании локальных и региональных идентичностей. Прежде всего, отметим процессы глобализации, все сильнее затрагивающие жителей даже самых отдаленных районов, и возросшую индивидуализацию повседневной жизни. Культурная экспансия Запада (от фаст-фуда до сленга) ведет к уничтожению самобытности, того, что в принципе могло бы составить комплекс локальных отличительных особенностей. Интернет и социальные сети связывают людей по всему миру таким образом, что люди формируют свой круг повседневного общения, спокойно выходя за рамки местного сообщества. Можно сказать, что благодаря виртуализации общения социальные связи все чаще становятся экстерриториальными. Известный британский социолог Зигмунт Бауман отмечает, что идентичность выступает «суррогатом сообщества, естественного обиталища, которое более недоступно в быстро приватизируемом и индивидуализируемом, стремительно глобализирующемся мире» [1, с. 190]. Индивидуализация повседневной жизни приводит к уменьшению числа коллективных практик, ослаблению групповой сплоченности и территориальной идентичности. Показательна в этом отношении судьба тех же городских районов, которые когда-то воспринимались молодежью как «свои» и за контроль над которыми велись уличные войны. Современные молодые люди зачастую даже не знают об их существовании. Связь между индивидуализацией, сопряженной с новыми формами проведения досуга, и угасанием территориального соперничества очевидна.

Локальная идентичность подразумевает не просто идентификацию человека с местом жительства, констатацию очевидного факта, что «я такой-то потому, что живу здесь», но подразумевает наличие соответствующих эмоционально-психологических переживаний, чувства общности с другими людьми, проживающими на данной территории, сопричастность к местному сообществу. Структура любой социальной идентичности, помимо когнитивного компонента (понимание человеком себя в терминах соотношения с определенной социальной группой), включает аффективные и регулятивные компоненты (готовность разделять соответствующую систему ценностей, соблюдать определенные правила, проявлять определенные чувства). В этой связи можно сформулировать проблему шире и указать на то негативное влияние, которое оказывает атомизация общества на любые формы групповой сплоченности. Разрушение привычных форм соседских связей, распространение аномического типа соседства, низкий уровень доверия людей друг к другу и к местным властям, рост преступности и снижение социального капитала у основной массы населения не могут не отражаться на воспроизводстве и поддержании локальной идентичности.

Вместе с тем представляется, что у локальных идентичностей в России есть неплохие перспективы развития. Социально-экономические проблемы усиливают борьбу местных властей за привлечение инвестиций в муниципалитеты, заставляет местных чиновников искать свою «изюминку» (историческое и культурное наследие, прекрасная экология, великолепные перспективы развития и т.п.), вокруг которой в перспективе может сложиться ядро локальной идентичности. Город как брэнд прямо подразумевает наличие каких-то отличительных особенностей, которые заставляют и самих горожан воспринимать себя как уникальных носителей определенных качеств. Борьба за человеческий капитал в условиях сложной демографической ситуации должна подтолкнуть муниципальные власти на создание комфортной среды в действительности, а не только на уровне *PR*. Улучшение облика городов и прочих населенных пунктов, равно как и решение ряда социальных проблем, должно позитивно сказаться на развитии локальных идентичностей. Глобализация, с одной стороны, разрушает локальные идентичности, а с другой стороны, она же заставляет многих людей задумываться о своих корнях и своей самобытности, подталкивая их на поиск новых и культивирование уже имеющихся территориальных идентичностей.

Сложнее обстоит дело с региональными идентичностями. В национальных республиках (Татарстан, Башкортостан, Удмуртия и т.д.) принятие региональной идентичности («татарин», «башкир», «удмурт» и т.д.) для большинства представителей нетитульной нации оказывается неприемлемым, т.к. это ведет к конфликту с уже сложившейся национальной идентичностью. У представителей же титульной национальности региональная идентичность, по сути, будет сливаться с национальной. Конкуренция между этническими группами в экономической и политической сферах и определенный градус напряженности в области межнациональных отношений также препятствуют этому процессу.

В регионах, название которых лишено национальной специфики, существуют другие сложности. Название субъектов Российской Федерации часто является производным от названия регионального центра (Челябинская область – Челябинск, Пермский край – Пермь и т.д.). В этой ситуации принятие региональной идентичности может вступать в конфликт с уже сформировавшейся локальной идентичностью. Для жителей городов и районов Пермского края «пермяки» – это скорее те, кто живут в г. Пермь. Таким образом, идентичность «пермяк» в большей степени оказывается локальной идентичностью, чем региональной.

Поскольку в ряде территориальных идентичностей региональные идентичности занимают промежуточное положение (между локальными и гражданскими), на повседневном уровне они часто оказываются «избыточными». Здесь сама собой напрашивается параллель с рассуждениями Энтони Гидденса, который, ссылаясь на Д. Белла, указывает, что в ситуации все убыстряющейся глобализации национальное государство стало слишком маленьким для больших жизненных проблем, но слишком большим для маленьких жизненных проблем [2, с. 189]. Представляется, что в еще большей степени данное замечание применимо к отдельным регионам.

Формирование локальной идентичности тесно связано с развитием чувства малой родины, которое, как правило, обретается еще в детстве. Региональная же идентичность не имеет такой глубокой личностной

основы. В некоторых случаях (в армии, за границей и т.д.) собственно региональные идентичности оказываются в состоянии конкуренции с более широкими идентичностями («сибиряки», «уральцы», «кавказцы», «славяне»). Обычно это происходит тогда, когда земляков из своего региона оказывается недостаточно, чтобы гарантировать защищенность и возможность отстаивания интересов группы. Неудивительно, что региональные идентичности становятся наиболее заметными в политической сфере, там, где речь идет о выборе региональной власти, способной наилучшим образом отстаивать интересы региона перед федеральным центром. Безусловно, одной политикой дело не ограничивается. Важную роль в формировании региональных идентичностей играют всероссийские спортивные соревнования и разного рода учебные олимпиады, когда представителям разных городов приходится защищать честь своего региона. Но круг участников данных мероприятий очень узок, да и выбор региона в том же профессиональном спорте, часто связанный с наличием наиболее комфортных условий для тренировок и выступлений, в большей степени предполагает не формирование устойчивой идентичности, а калькуляцию выгод и издержек.

Несмотря на все эти сложности, представляется, что и у региональных идентичностей в нашей стране есть неплохие шансы на развитие. Возвращение выборов губернаторов будет способствовать как интенсификации политической жизни в субъектах федерации, так и развитию регионального самосознания. Как и в случае с локальными идентичностями, только в еще большем масштабе, экономическая конкуренция будет подталкивать региональные власти к поиску брендовых стратегий презентаций своего края, что может способствовать развитию региональной идентичности. Развитие региональных идентичностей может стать одной из задач региональных властей, стремящихся сохранить и приумножить человеческий потенциал своей территории.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. 352 с.
3. Замятин Д. Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы // Идентичность как предмет политического анализа: сб. статей по итогам всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 186-203.
4. Замятина Н. Ю. Территориальная идентичность: типы формирования и образы территории // Идентичность как предмет политического анализа: сб. статей по итогам всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 203-212.
5. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый Хронограф, 2010. 240 с.
6. Кувенева Т. Н., Манков А. Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77-84.
7. Кудрин А. В. Этничность: есть ли предмет спора? // Вестник Прикамского социального института. Серия «Экономика, социология, политика, право». Пермь, 2001. Вып. 1. С. 144-150.
8. Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. 285 с.
9. Медяков А. С. Национальная идея и национальное самосознание немцев // Национальная идея в Западной Европе в Новое время: очерки истории. М., 2005. С. 394-458.
10. Пименова Л. А. Идея нации во Франции Старого порядка // Национальная идея в Западной Европе в Новое время: очерки истории. М., 2005. С. 125-158.
11. Савоскул С. С. Локальная идентичность современных россиян (опыт изучения на примере Переславля-Залесского) // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 58-73.
12. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4-го Конвента РАМИ: в 10-ти т. / под ред. А. Ю. Мельвиля; Рос. ассоциация междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2. Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий. С. 81-107.
13. Смирнягин Л. В. Региональная идентичность и география // Идентичность как предмет политического анализа: сб. статей по итогам всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 177-186.
14. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. 307 с.
15. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 121-145.
16. Gotham K. F. Political Opportunity, Community Identity, and the Emergence of a Local Anti-Expressway Movement // Social Problems. 1999. Vol. 46. № 3. P. 332-354.

TERRITORIAL IDENTITIES IN THE XXIST CENTURY: STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Andrei Vladislavovich Shishigin, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Department of Philosophy and Social Sciences
Perm' State Classical-Pedagogical University
Shish02@yandex.ru

The author considers territorial (local and regional) identities and processes that contribute to their decline, refers to the policy of national identity formation, rapid urbanization and industrialization as the major reasons of territorial identities decline, estimates the prospects of territorial identities development taking into account social-economic and social-political transformations in the Russian society, and comes to the conclusion about the possible revival of local identities in contemporary Russia.

Key words and phrases: identity; territorial identity; local identity; regional identity; national identity; city; region.